

Красавец, казалось, тоже заметил его паузу и, что для него было редкостью, сам обнял его за шею, притягивая к себе.

У Ханьши тут же пришёл в себя, злобно подув на того «милого», кто упирался ему в живот, и сразу заставил красавца мелко задрожать, даже руки, обнимавшие шею, обмякли.

Но не успел он и бранно пискнуть, как мужчина, превратившийся в тигра, перевернул его в воздухе, силой раздвинул ягодицы и снова жестоко ворвался внутрь.

— Эй... полегче... сс... что с тобой сегодня... а

— Я думал, ты хочешь, чтобы я был посильнее, да?

В итоге можно было догадаться: человек низко охал и скулил, прося пощады, но это не заставило того, кто его насиловал, быть мягче. При ещё более частых толчках его почти довели до краха.

У Ханьши в страсти вздохнул: жаль, нет зеркала, чтобы этот человек с обиженным лицом мог посмотреть, как его жалкое выражение вызывает непреодолимое желание!

Красавцу уже было некуда бежать, он мог лишь стараться зарыться в простыню, яростно кусая губы. Но когда глаза не видели, чувства, казалось, становились ещё острее... каждый злой удар точно попадал в чувствительную точку.

— А... нет нет... Ханьши!

Воя и судорожно сжимаясь, даже пальцы на ногах поджались, чувство, от которого не спрятаться и не вырваться, вместе с непрерывным наслаждением хлынуло бурей, и двое вместе погрязли в захлёстывающем удовольствии, не в силах выбраться...

Последним кадром стало то, как человек неистово запрокинул шею, хватая ртом воздух, изящная линия белой шеи была настолько хороша, что невольно хотелось потрогать.

Только этой картины было достаточно, чтобы любой мужчина потерял контроль и сошёл с ума.

У Ханьши тяжело дышал, потянувшись к своей твёрдости —

— Цзюньэр! — Он одним махом сел на кровати, всё тело было словно вытащено из воды — в одном поту.

В полудрёме потёрся рукой о пот на лбу, ха, опять сон!

В безбрежном, сладострастном и безумном весеннем сновидении только Цзюньэр был по-прежнему прекрасен.

У Ханьши чувствовал, что во рту пересохло, вот-вот повалит дым, срочно перевернулся и слез с кровати, чтобы налить воды попить, но только пошевелился и обнаружил: на нижнем белье холодно!

Он с досадой хлопнул по кровати, стянул бельё и кинул на пол, ногой набросил халат и пошёл на кухню.

Сколько лет прошло с юношеского возраста, а ещё бывают такие сны!

К счастью, в холодной полночной тишине, даже не включая свет, можно было по лунному свету найти путь на кухню.

Налил стакан холодной воды на кухонном столе и выпил залпом, только тогда почувствовал себя спокойнее.

Поднял голову и застыл, глядя на ночное небо, похожая на тоску горечь медленно вытекла и наполнила грудь. Глядя из окна этой кухни, весь жилой район уже тихо спал, лишь редкие уличные фонари добросовестно охраняли сонных.

Прошло... уже десять лет... Цзюньэр ушёл десять лет назад...

Хотя время бежит, за эти десять лет сцены, когда они были вместе, упрямо раз за разом всплывали во снах:

Заботливый он, мягкий он, тихий он, ждущий он, молчаливый он, улыбающийся он, удивлённый он, грустный он...

Его сосредоточенность, когда он один готовил, его радость, когда он, вернувшись домой, открывал дверь, его проказы, когда он будил, пустота в глазах при расставании...

— Ханьши, ты сегодня вернёшься?

— Ханьши, что хочешь есть сегодня?

— Ханьши, завтра будет холодно.

— Ханьши... почему...

На самом деле это «почему» У Ханьши больше всего хотел спросить его лично: за эти годы, почему никогда не отвечал.

Хотя бы немного, любил ли когда-нибудь его.

Только тот человек уже больше не мог ответить...

У Ханьши было больно до предела, он рукой сжал грудь.

В том году несчастный случай не оставил ему ни единого шанса исправить. Цзюньэр ушёл слишком спешно и быстро, совсем не похоже на его обычный медлительный вид. Прекрасный и мягкий человек в памяти существовал только в прошлом, но словно живущий вечно поселился в его сердце... десять лет как один день, в его полуночных снах он грустно появлялся.

Оставшаяся жизнь У Ханьши уже не могла полюбить другого, он всегда жил в бесконечном одиночестве.

Он знал, что его история в том несчастном случае оборвалась, живым осталась лишь пустая оболочка. В бесчисленных ночах, похожих на сегодняшнюю, он часто один тосковал, выдумывал сказку о возвращении в прошлое, чтобы утешить себя.

...

...

...

Спустя какое-то время он наконец повернул голову и вдруг увидел: выброшенные на полу у двери спальни трусы кто-то зацепил пальцами, тот человек по-детски улыбался, показывая ямочки, и сказал:

— Опять бросишь как попало...

— Ты... — У Ханьши задохнулся.

Ты здесь, и это хорошо.

Если бы время обернулось вспять и мы встретились ещё раз, я уж точно не отпущу тебя.

В этот раз я дам тебе понять, что люблю тебя, независимо от того, любишь ли ты меня.

У Ханьши с горькой улыбкой поставил стакан и глубоко вздохнул.

Оставшиеся четыре-пять часов пути Чжан Юэжань, вопреки ожиданиям Си Цзюня, не чувствовал неловкости из-за того, что его игнорировали. Он словно совсем не переживал из-за того чая, что не был тронут, напротив, с видом скромного младшего задал У Ханьши немало вопросов по рекламе, а затем в полной мере продемонстрировал дружелюбие старшего товарища, сказав Си Цзюню, что это содержание выборного курса, который он будет изучать в следующем семестре, и стоит заранее уделять этому внимание и понимать.

У Ханьши поначалу не очень хотел отвечать, но позже, внимательно послушав, постепенно был привлечён несколькими заданными вопросами, глубокими и передовыми, и начал кратко отвечать на некоторые.

Чжан Юэжань неустанно допытывался ещё, спальный вагон мгновенно превратился в свободный класс.

Си Цзюнь не участвовал в разговоре, но он видел, что У Ханьши не так уж любит много болтать с незнакомцами. Здесь, возможно, была причина его собственного характера, но более важной, безусловно, была неизбежная осторожность человека, занимающего высокое положение.

Они не будут сближаться с людьми в ситуации, когда недостаточно хорошо знают.

Можно предположить, что общение в прошлой жизни с Чжан Юэжанем было неизбежно таким же, как сегодня, это была хорошая атмосфера, которую старательно создал Чжан Юэжань.

Вопрос лишь в том, зачем Чжан Юэжань так старается для незнакомца? Даже если, как он сказал, это любовь с первого взгляда.

Чжан Юэжань, который казался уступчивым, но на самом деле никого особенно не ставил выше себя, в институте был очень популярен. Он относился ко всем одинаково, дружелюбно и легко, но никогда сам ни за кем не ухаживал.

До того, как с Си Цзюнем случилась авария, он не замечал, что ориентация Чжан Юэжана такая же, как у него, и даже спрашивал его, почему он не ищет подругу; тогда Чжан Юэжань намёком дал понять, что не любит добиваться других.

Раз он создаёт дружелюбный образ, чтобы наслаждаться чувствами, когда его преследуют, то сегодня Си Цзюнь считал это очень ненормальным.

Ненормально так нарочно стараться для холодного У Ханьши при первой встрече, даже отбросив сдержанность, лезть с темами и сближаться... с точки зрения стороннего наблюдателя, нельзя не сказать, что в этом есть нерациональность.

...

...

Свободный класс длился недолго, У Ханьши закончил тему тем, что вышел принять важный звонок, вежливо завершив разговор.

После того как он вышел, Чжан Юэжань встал и подошёл к двери, словно желая размять тело, туда-сюда прошёл несколько шагов, убедившись, что человек за дверью уже ушёл далеко, только тогда обернулся и сказал Си Цзюню:

— Ты раньше его знал?

Си Цзюнь на мгновение застыл, подсознательно подумал о глубоком смысле вопроса, затем покачал головой.

Чжан Юэжань поднял брови:

— Значит, вы только что в вагоне познакомились?

— ...

— То есть, ты с ним на самом деле не близок, — подвёл итог за него Чжан Юэжань с облегчённой улыбкой. — Очень хорошо, раз так, то все мы в равных условиях.

Си Цзюнь нахмурил брови.

Чжан Юэжань:

— На самом деле я знаю, что ты со мной такой же... мы оба... такие. Хотя ты со мной особо не общаешься, но мы, такие люди, всегда можем почувствовать родную душу в толпе.

Си Цзюнь ни признал, ни отрицал, всё так же молча смотрел на него, словно совершенно не понимал причины того, что тот так прямо высказался.

Чжан Юэжань продолжил:

— Ты не волнуйся, хотя я знаю, я не буду болтать попусту. Ты можешь мне верить.

Верить? Си Цзюнь едва не усмехнулся вслух.

Чжан Юэжань стал ещё искреннее:

— ...Только что тот человек, возможно, ты не знаешь, кто он, но я уже давно знаю его. Разговор лицом к лицу, как сегодня, я в уме уже много раз представлял... я очень завидую тебе, что ты с ним встретился неожиданно, — он горько усмехнулся, — но я потратил много мыслей, чтобы найти возможность познакомиться с ним так.

Си Цзюнь был ошарашен.

<http://bllate.org/book/16641/1524700>